

Русская литература

3

1985

· НАУКА ·

Ленинградское отделение

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ АВТОРЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Если мы задумаемся над тем, почему древняя русская литература была такой «чужой» и малоизвестной в русской культуре нового времени, то неизбежно придем к выводу: причины лежат не только во внешних обстоятельствах, в постоянном отталкивании русской культуры от всего старого (что одновременно не только ускорило развитие прогрессивных начал в русской жизни, но и тормозило их). Причины непонимания древнерусской культуры лежали и в самой этой культуре: она была замкнутой в своей простоте. Как шар, куб, пирамида выделяются в окружающей их среде своими простыми, замкнутыми формами, так и простые формы древнерусских литературных произведений облегчают восприятие их содержания и идей авторов.

Громадное большинство литературных произведений Древней Руси крайне просты: идеи не скрываются от читателя, не раскрываются постепенно — они на виду; изложение идет во временной последовательности — от более древнего к более новому, от начала событий к их концу. Единственное «украшение» литературного произведения — орнаментальность стиля, то более скупое, то более щедро употребляемое.

Разумеется, я упрощаю характер древней русской литературы и не принимаю во внимание многочисленные исключения. И все же какая-то правда в этом моем весьма общем наблюдении, как мне представляется, есть: простота бросается в глаза и остается по-разному присущей древнерусской литературе примерно до середины XVII века.

Самое разительное исключение из этой простоты литературной конструкции — «Слово о полку Игореве». Памятник этот нарушает обычную для Древней Руси хронологическую последовательность рассказа, нарушает единство настроения, соединяет эпичность и лиричность. Он в гораздо большей степени, чем обычные произведения Древней Руси, отражает личные мнения и настроения автора (отсюда понятное стремление исследователей «Слова» найти имя конкретного автора).¹

«Сложность» «Слова о полку Игореве» в известной мере упрощает понимание его поэтичности для современного читателя.

В самом деле, красота произведений нового времени отчасти связана с их загадочностью, даже если это произведение наших лет, написано при нас и на нашем материале (пример — хотя бы «Поэма без героя» А. А. Ахматовой). Тем более «острой» становится красота древнего произведения — «Слова о полку Игореве», вступающего в явное противоречие с обычной литературной «простотой» других современных ему памятников. Мне кажется, что красоту «Слова» подчеркивают даже те «загадочные» места, которые явились естественным следствием столетий его переписки. Если бы в «Слове» не было испорченных переписчиками (а может быть, и первыми издателями) мест, оно частично потеряло бы свою привлекательность для современных читателей.

До сих пор мои усилия в изучении «Слова о полку Игореве» были в основном направлены на то, чтобы выявить родство «Слова» с культурой его времени — литературой, народным творчеством, искусством, рели-

¹ См.: Дмитриев Л. А. Автор «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 40 (находится в печати).

гиозными представлениями — и найти в нем историческую подоплеку. Работы этого рода обобщены мною в двух изданиях книги «„Слово о полку Игореве“ и культура его времени» (1978 и 1985 годов).² Для того чтобы ответить на вопрос, почему «Слово» все же своеобразно, научных обоснований мало. Много не может быть доказано, поскольку нельзя по самому существу вопроса, его постановке указать аналогии. И речь пойдет лишь о наших общих представлениях, догадках и воображаемых явлениях.

Решаясь говорить о них с читателями, я полагаю, что некоторое эвристическое значение эти воображаемые явления все же могут иметь, поскольку догадки иногда оправдываются (если они не слишком категорично выражены и не претендуют на строгую доказанность).

Так, как я представляю себе тот мир «Слова», к которому принадлежал его автор, и как он творил «Слово»: в каких нормах, эстетических представлениях и в какой литературно-бытовой обстановке?

Постараюсь изложить эти мои представления, снова и снова предупреждая читателей, что я ничего не могу и не собираюсь доказывать. Воображаемая ситуация, и только.

Л. А. Дмитриев справедливо считает, что не столько важно открыть имя автора «Слова», сколько определить тот социальный слой, к которому он мог принадлежать.

Как-то в разговоре со мной О. В. Творогов сказал, что он представляет себе автора «Слова» высоко профессиональным мастером, работавшим в строгой литературной традиции, от которой, впрочем, почти ничего не сохранилось. Я тотчас же с ним согласился; за гениальностью автора «Слова» чувствуется наличие не дошедших до нас традиционных форм профессиональной поэзии. И это особенно потому, что традиционность в доступных нам областях постоянно и как-то легко открывается.

Из всех слоев домонгольского общества наибольшим изменениям в результате чужеземного ига подвергся, с моей точки зрения, слой княжеский. Ни быт крестьян, ни формы быта и домашнего уклада ремесленников и мелких торговцев не могли особенно измениться во второй половине XIII—XIV веке. Но в княжеском быту мы замечаем ряд изменений, свидетельствующих и о появлении восточных влияний и об исчезновении исконных обычаев. Нарушены родственные связи с иностранными дворами, не упоминаются более турниры,³ княжеские «посаги», обычно совершавшиеся примерно в восьмилетнем возрасте, дружина, представлявшая собою аристократическую воинскую верхушку, становится обыкновенным войском, и т. д. Своеобразная «рыцарственность» киевского периода исчезает. И вот мне кажется, что с исчезновением этого рыцарственного быта исчезли в княжеском быту и княжеские певцы, на существование которых есть некоторые намеки в «Слове о полку Игореве» и в летописях.

Обратите внимание на текст Ипатьевской летописи под 1241 годом о «словутном певце» Митусе: «словутьного певца Митусу, древле за гордость не восхотевшу служити князю Данилу, раздраного акы связаного приведоша...»⁴ Этот текст говорит о многом. Митуса несомненно светский певец, а не церковный, как думали некоторые, ибо только светскому княжескому певцу могло быть поставлено в вину не хотеть «служить» князю. В чем выражалось служение певца князю? Естественно предположить — в составлении песен в честь этого князя, т. е. Даниила.

² Отмечу, что во втором издании есть несколько существенных глав, отсутствующих в первом.

³ Ср. в Ипатьевской летописи под 1150 годом: «тогда же угре на фарех (иноходцах, — Д. Л.) и на скоках играхуть, на Ярославли дворе, многое множество» (ПСРЛ, М., 1962, т. 2, с. 416).

⁴ Там же, с. 794.

Причиной отказа в летописи выставляется «гордость», и это свидетельствует о достаточно высоком общественном положении княжеского певца.⁵

В самом деле (с учетом принятых мною уже давно реконструкций), в «Слове о полку Игореве» упомянуты четыре княжеских певца: это Боян, Ходына (принимая наиболее вероятную реконструкцию текста первого издания: «Рекъ Боянъ и ходы на» как «Рекъ Боянъ и Ходына»), «хоть» (т. е. любимец, может быть, излюбленный певец) князя Изяслава Васильковича и, наконец, сам автор «Слова о полку».

И каждому из певцов принадлежит как бы оценка происходящего. Певец обобщает и резюмирует смысл событий. Иногда это афоризм: «Дружину твою, княже, птицъ крилы приодѣ, а звѣри кровь полизаша»; или: «Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы»; или: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божа не минути!». Иногда же это большое произведение, философски рассуждающее о происшедшем, — само «Слово о полку Игореве». Но во всех четырех случаях — это княжеские певцы, певцы светские, а в некоторых случаях присутствующие на поле битвы.

Поэтому небезосновательно предполагать, что и сам автор «Слова» участвовал в походе Игоря. Живые картины этого похода ясно видны в «Слове» во многих местах описания степи, ее насельников.

Б. А. Рыбаков предположил, что автором «Слова» был галицкий боярин Петр Борисович, которого я в свое время считал летописцем.⁶ Возможно. Во всяком случае, любимец князя, «хоть», певец мог выполнять и другие функции при дворе и, в частности, оруженосца, телохранителя, как это было в Скандинавии.⁷

Если это так, т. е. если певец был и политическим деятелем, то это бы объяснило изумительную осведомленность автора «Слова» в политической ситуации во всей Русской земле, его знание князей и княжеств, их истории, без которой не обходилась политика, и своей современности. И это сделало бы понятным его властный призыв к князьям выступить за Землю русскую. Этот призыв был бы смешон в устах скomorоха, бессилен в устах певца из народа, недозволителен в устах чрезмерно зависимого придворного или простого воина, но он был возможен под прикрытием князя-покровителя.

Чьим же певцом, «хотью» был автор «Слова»? Есть только два князя, при которых певец мог именно так воспеть поход Игоря и произнести над ним осуждающие и, одновременно, похвальные слова, — это князь Святослав Киевский, «отец» по своему положению в стольном городе, и Игорь Святославич.

Скорее всего, это был «хоть» Игоря. И не только потому, что он почти как свидетель знал все о походе Игоря, но и потому еще, что он, как мне представляется, был летописцем Игоря, изложившим поход Игоря в его летописи, выразившим в этом описании заветные думы Игоря — его исповедь.⁸ К тому же он не чужд был новгородских тради-

⁵ А. Югов видел в Митусе автора «Слова», но против этого говорит слишком большой разрыв между событиями «Слова» и упоминанием Митусы, к тому же не восхотевшего служить галицкому князю, к предшественнику которого (Ярославу Осмомыслу) испытывал явную симпатию (Слово о полку Игореве / Пер., комм. и статья А. Югова. М., 1970, с. 210—213).

⁶ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. Л., 1947, с. 235—241.

⁷ Адмони В. Г. Скальды при дворе конунгов. — ТОДРЛ, 1985, т. 38.

⁸ Первый раз Игорь произносит длинную покаянную речь, которую никто, кроме самых близких ему лиц, не мог слышать или записать с его слов позднее, когда он был схвачен в плен половцами. Вторично кается Игорь уже в плену, осознав губительные последствия своего поражения для всей Руси и опять-таки речь носит беспрецедентный для русских летописей интимный характер. Напомню,

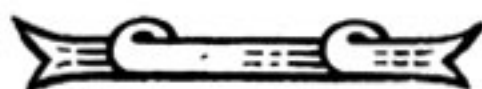
ций, а это очень показательно: отец Игоря Святослав Ольгович дважды сидел на Новгородском столе в самые критические моменты новгородской истории и был женат на новгородке, по-видимому простого происхождения.⁹

Это было давно. Связи с Новгородом были порваны, и следовательно можно думать, что певцу «Слова» было немало лет.

Почему я называю автора «Слова» «певцом»? Это подтверждается не только аналогиями с западноевропейскими певцами — миннезингерами, менестрелями, но и тем, что по моей догадке «Слово» исполнялось диалогически, т. е. так, как исполнялись аналогичные произведения германскими, скандинавскими и романскими певцами,¹⁰ т. е. обычными певцами средневековой Европы. А диалогически исполнять можно только устно, но «декламации» были неизвестны, а пение обычно. Поскольку мы коснулись пения и связи «Слова» с музыкой, о чем существует интересная книга Л. В. Кулаковского,¹¹ то становится понятным, почему «Слово» оказалось единственным памятником этой высокой певческой культуры. Хотя все эти произведения имели авторов, они не всегда, может быть, имели письменный текст. Приходится удивляться, как хорошо еще дошел до нас текст «Слова». Сравнительно со списками других произведений в нем не так уж много ошибок. Явные же ошибки — это своеобразные свидетельства точности текста. Было бы хуже, если бы эти ошибки исправлялись и осмыслялись усердными писцами. Лучший писец — тот, который не пытается придать темному месту свой смысл. И в этом отношении «Слову» относительно повезло.

Я называю автора «певцом», но убежден, что этот певец сам записывал свой текст. В этом его отличие от предшественников, от которых не дошло текстов их произведений. Бояна мы знаем только по приводимым в «Слове» трем его изречениям и по изображению его манеры в начальной части «Слова». Текст же «Слова», несмотря на некоторые искажения, естественные для памятника, многократно переписывавшегося, удивительно целен и отделан. Вместе с тем он не только фольклорен, но и книжен. Диалогичность же «Слова» — это в основном дань традиции.

Все, что я писал выше, — это догадки и «мечтания», ни для кого не обязательные, но они рождены не голой фантазией, а некоторым воображением, основанным на моих работах, упомянуть которые я позволил себе в сносках.

что в древнерусской литературе вымышленные речи были по преимуществу этикетного характера. Покаянные же речи Игоря носят конкретный характер, с упоминанием реальных событий и лиц и могли быть только услышаны летописцем от самого князя (при их произнесении, а вернее в его последующем пересказе).

⁹ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд., доп. Л., 1985, с. 167 и сл.

¹⁰ Стеблин-Каменский М. Н. Древнескандинавская литература. М., 1979.

¹¹ Кулаковский Л. В. Песнь о полку Игореве: Опыт воссоздания модели древнего мелоса. М., 1977.